

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2022-70-4-24-29

## **«МОНТАЖ» ДИСКУРСОВ РАЗНЫХ ТИПОВ КАК КОМПОЗИЦИОННО-СТИЛЕВАЯ ДОМИНАНТА ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «КОМПРОМИСС»**

© Екатерина Бобыкина

### **DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE “EDITING” AS A COMPOSITIONAL AND STYLISTIC DOMINANT IN THE NOVEL “A COMPROMISE” BY S. DOVLATOV**

**Ekaterina Bobykina**

The present article deals with the novel “A Compromise” by S. Dovlatov within the framework of the discourse linguistics problems. The research is focused on the compositional and stylistic specifics of the book where the technique of “editing” of several types of discourse in the fictional text field becomes dominant. Using the method of discourse analysis, we achieved the set research goals: 1) to identify different types of discourse markers, which ensure a heterogeneous structure of the text in the novel “A Compromise” by S. Dovlatov; 2) to prove that the discourse heterogeneity in the work under study, firstly, is a text-forming dominant; secondly, it represents the stylistic originality of this work. As a result of the research, we have found discourse markers of fictional and journalistic discourse, as well as the markers of Soviet ideological-political, everyday, ritual and anti-fascist types of discourse in the novel “A Compromise” by S. Dovlatov. In each of its twelve parts, the author’s narrative easily switches over from one of the mentioned types of discourse to the other, which ensures the discourse heterogeneity of the text. The technique of “editing” discourse of several types in a single artistic whole, on the one hand, testifies to the originality of the compositional organization of the text; on the other, it is a text-forming style dominant, which explicates S. Dovlatov’s individual authorial style.

*Keywords:* fictional discourse, journalistic discourse, discourse analysis, discursive markers, discourse heterogeneity

В работе изучается повесть С. Довлатова «Компромисс» в рамках проблематики лингвистики дискурса, исследовательский фокус сосредоточен на композиционно-стилевой специфике произведения, где доминирующим становится прием «монтажа» дискурсов нескольких типов в художественном текстовом поле. С помощью метода дискурс-анализа достигаются поставленные цели исследования: 1) выявить маркеры дискурсов разных типов в повести С. Довлатова «Компромисс», наличием которых обеспечивается гетерогенность, неоднородность структуры текста; 2) доказать, что дискурсная гетерогенность в исследуемом произведении, во-первых, является текстообразующей доминантой, а во-вторых, репрезентирует его стилевую оригинальность. В результате исследования в повести были обнаружены дискурсивные маркеры художественного и публицистического дискурсов, а также маркеры советского идеолого-политического, бытового, ритуального, антифашистского типов дискурсов. В каждой из частей ее (всего их двенадцать) авторское повествование легко переключается между перечисленными типами дискурсов, чем обеспечивается дискурсная гетерогенность текста. Прием «монтажа» дискурсов нескольких типов в едином художественном целом, с одной стороны, свидетельствует об оригинальности композиционной организации текста, с другой – является текстообразующей стилистической доминантой, которая эксплицирует индивидуально-авторский стиль С. Довлатова.

*Ключевые слова:* художественный дискурс, публицистический дискурс, дискурс-анализ, дискурсивные маркеры, дискурсная гетерогенность

С. Довлатов, еще во время армейской службы в шестидесятые годы, четко осознал свое призвание быть писателем, но ему потребовалось пройти долгий творческий путь, в процессе ко-

торого он оттачивал оригинальный авторский стиль. Лишь спустя десятилетия, находясь в эмиграции, прозаик смог опубликовать свои произведения и получить за них первые гонора-

ры. Вместе с тем важно отметить, что на протяжении всей жизни материально поддерживала С. Довлатова только профессия журналиста. Кроме того, многие публицистические тексты автора послужили основой для дальнейшей художественной обработки, например, сборник «Компромисс», где отражена журналистская деятельность С. Довлатова в «таллиннский» период (1972–1975 гг.).

В связи с этим повесть «Компромисс» С. Довлатова представляет значительный интерес для исследователя, так как художественное произведение создается на основе авторской обработки публицистических текстов, что, безусловно, находит отражение в оригинальности композиционной структуры и стилевых особенностях, позволяющих рассматривать их как «монтаж» дискурсов разных типов.

Попытка рассмотреть повесть С. Довлатова «Компромисс» с позиции интердискурсивности, но сквозь призму литературоведения, предпринималась О. В. Богдановой и Е. А. Власовой. Авторами работы «на фоне интердискурсивности» был установлен центральный «мотив превращения», эксплицирующий автобиографичность и псевдодокументализм [1].

Актуальность и новизна настоящей статьи, с одной стороны, определяется вхождением ее в круг интересов достаточно нового в отечественном языкознании направления – лингвистики дискурса, с другой – слабой изученностью повести с позиций дискурс-анализа. Исследовательский интерес в настоящей работе сфокусирован на выявлении специфики функционирования лингвистических и экстралингвистических маркеров интердискурсивности в художественном тексте. В ходе исследования использовались метод дискурс-анализа, семантико-стилистический метод.

Объект настоящего исследования – композиционная структура повести «Компромисс» С. Довлатова – диктует постановку цели, которая состоит в доказательстве того факта, что дискурсная гетерогенность художественного текста не только является текстообразующей доминантой, но и репрезентирует стилевую оригинальность данного произведения.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд исследовательских задач: 1) проанализировать содержательные аспекты понятия интердискурсивность и выделить ее маркеры; 2) выявить «сигналы» дискурсной гетерогенности в повести «Компромисс»; 3) доказать (или опровергнуть) гипотезу о том, что интердискурсивность текстового поля произведения является текстообразующей доминантой и реа-

лизует оригинальный авторский стиль С. Довлатова.

Как нами уже было установлено в предыдущих работах [2], значительный вклад в разработку проблематики лингвистики дискурса в отечественной науке внесли ученые Санкт-петербургской школы, поэтому настоящее исследование базируется на теоретико-методологических положениях этой школы, прежде всего, в понимании художественного дискурса и феномена интердискурсивности. Актуальным для данной статьи оказывается понятие художественного дискурса, предложенного Е. А. Гончаровой: «Это текст как когнитивное событие (содержащее определенный „концепт действительности“, систему „концептуально-смысловых установок“, включающих в себя индивидуальные, исторические, общественные и др. знания) и одновременно коммуникативное событие, „погруженное в жизнь“ и автора, и читателя, и общества в целом» [3, с. 188]. Важным для настоящей работы является уточнение Е. В. Белоглазовой, утверждающей, что «художественный дискурс – это всегда интердискурс», строящийся на взаимодействии нескольких типов дискурса и опосредованный человеческим знанием и практическим культурно-историческим опытом [4, с. 189].

Несмотря на то, что отечественные лингвисты относительно недавно обратились к проблеме интердискурсивности, на современном этапе выделены и систематизированы основные признаки и критерии данного феномена, предприняты попытки сформулировать общее определение понятия. Вслед за В. Е. Чернявской под интердискурсивностью будем понимать «феномен взаимодействия дискурсов» [5, с. 178], «особую взаимосвязь языковых единиц, которая инициирует в воспринимающем сознании (т. е. в голове читателя) переход от одного типа дискурса и, значит, типа мышления, к другому с целью создания сильного воздействующего эффекта» [Там же, с. 80]. Дополняя данное определение, Е. В. Белоглазова справедливо отмечает, что исходный «поступающий текст разлагается реципиентом на составные пропозиции, которые соотносятся в процессе осмысления со структурированными знаниями о внешнем мире (то есть с „ментальными моделями“) и знаниями о типах дискурса и особенностях их организации (то есть „схематическими суперструктурами“)» [4, 189]. Исследователь указывает на важность авторских «подсказок» для облегчения когнитивного процесса декодирования заложенного в высказывание (или иную коммуникативную единицу) адресатом смысла, уточняя, что «подсказки должны даваться в начале инициации процесса понимания

и быть достаточно однозначными, в противном случае понимание может запоздать или пойти по ложному пути» [Там же]. В. Е. Чернявская и Е. В. Белоглазова выделили 4 основные группы маркеров интердискурсивности: 1) смена текстового типа, строящаяся по принципу «монтажа текстотипов»; 2) использование графических средств (изменение типа, формы, размера шрифта); 3) в устных формах дискурса использование паралингвистических средств (тембр, просодия, акцент) [5, с. 224]; 4) наличие «воспринимающего сознания» адресата [6, 122]. Главным механизмом функционирования интердискурсивности, по мнению ученых, является диалог дискурсов нескольких типов в пределах одного отдельного произведения.

Рассмотрим повесть С. Довлатова «Компромисс» с точки зрения наличия вышеперечисленных маркеров, свидетельствующих о диалоге дискурсов, или дискурсивной гетерогенности, или интердискурсивности внутри исследуемого текста.

Композицию ее составляют эпиграф-посвящение, предисловие и 12 «частей-компромиссов», озаглавленных порядковым номером и представленных двухчастной структурой: 1) датированными авторскими текстами из газет «Советская Эстония», «Молодежь Эстонии» («Компромисс третий»), «Вечерний Таллинн» («Компромиссы четвертый, шестой и десятый»); 2) вновь созданными художественными текстами, обработанными «по мотивам публицистических произведений». Несмотря на то, что каждый из двенадцати компромиссов является «монтажом» как минимум двух «текстотипов» (термин В. Е. Чернявской): газетного (фрагменты реально существующих газетных статей С. Довлатова) и художественно-разговорного (текстовые части, созданные «по мотивам» публицистических текстов С. Довлатова), литературные критики, знакомые с историей создания данного произведения, утверждают, что все «эпизоды создавались как отдельные новеллы, не снабженные газетными преамбулами», идея публикации книги в таком формате возникла у С. Довлатова позже [7, с. 462].

В «Компромиссе» так же, как и в ряде других произведений С. Довлатова, нарративный диалогизм вводится эпиграфом-посвящением, являющимся одним из способов «диалогизации монолога, введения в него иной, неавторской точки зрения» [8, с. 61]. Когнитивный акцент в «Компромиссе» смещается в сторону позиции адресата: данный структурный элемент композиции не эксплицирует явно коммуникативную интенцию автора относительно дальнейшего повествова-

ния, но «приводит в движение тезаурус читателя» [9, с. 204], как бы активируя в сознании реципиента его социокультурный опыт. Так, в процессе осмысления исходного дискурса в воспринимающем сознании адресата может возникнуть новый, отличный от авторского, дискурс: с одной стороны, читатель легко может дифференцировать лицо, которому книга посвящена (мать писателя Нора Сергеевна Довлатова); с другой – авторский замысел посвятить произведение именно матери может быть интерпретирован адресатом и по-другому.

В следующей композиционной единице – предисловии – автор как бы предвосхищает диалог дискурсов: наряду с аргументацией решения опубликовать свои «газетные вырезки» прочитывается писательская интенция привлечения вымысла как художественной обработки публицистических текстов, одним из маркеров данной интенции является категория адресанта, представленная в сборнике то «журналистом Сергеем Довлатовым», то «образом Бориса Алиханова» («Компромисс шестой»). Такая сложная структура категории адресанта обеспечивает переключение дискурсов: от журналистского ремесла (публицистический дискурс) читатель приглашается «за его кулисы», где становятся видны вымышленные автором «кирпичные стены, веревки, огнетушитель, хмельные работяги» (художественный дискурс) [7, с. 176].

Следующие за предисловием двенадцать компромиссов также представляют собой «монтаж» публицистического и художественного дискурсов, однако их диалогизм интенсифицируется одновременным существованием в текстовом художественном поле элементов дискурсов других типов: 1) советского идеолого-политического дискурса («Компромисс первый, четвертый, пятый, седьмой, десятый»); 2) бытового («Компромисс девятый, десятый»); 3) ритуального («Компромисс пятый, одиннадцатый»); 4) военного антифашистского дискурса («Компромисс двенадцатый»). Такой композиционный прием усложнения «монтажа» изначально двух текстотипов, публицистического и художественного, а затем свободное переключение между элементами других дискурсов в составе художественного не только композиционно организует текстовое поле произведения, но и диктует использование определенных стилизованных средств, реализующих комический эффект, ироничность повествования и направленность на игру с читателем.

Важно отметить, что воспитанный в условиях советской действительности, С. Довлатов навсегда усвоил ее идеологию, запреты, несвободу

личного мнения. Как показывают наши наблюдения, советский идеологический дискурс лег в основу всего художественного творчества писателя, примеры высмеивания режима СССР, саркастические шутки в сторону главных политических деятелей страны обнаруживаются в каждом произведении. Так, в «Компромиссах первом, четвертом, пятом, седьмом и десятом» нами были обнаружены многочисленные маркеры советского идеолого-политического дискурса, комически обыгранные автором. Например, при перечислении стран в новостных репортажах нужно соблюдать «железную очередность»: *демократические страны <...> затем – нейтральные государства. И, наконец, – участники блока*, традиционное перечисление по алфавиту является «*грубой идеологической ошибкой*» [7, с. 177]. Или: С. Довлатов написал для рубрики «Эстонский букварь» детский стишок, где медведь говорит по-эстонски. Редактор назвал стишок «*шовинистической басней*», потому что медведь должен говорить «*на языке одной из капиталистических стран*» [Там же, с. 192]. Часто комизм ситуации усиливается стилистико-языковыми приемами: а) языковой игры (*Вы одобряете культ личности? <...> Культ есть и будет <...> Личность нужна, понимаете, личность!* [Там же, с. 225]); б) иронии (*Речь зашла о гомосексуализме. – У нас за это судят, – похвастал я. – А за геморрой у вас не судят?* [Там же, с. 229]); в) антитезы (*Не знаю, как это вышло. Я и мать – положительные люди, а сын – отрицательный* [Там же, с. 201]); г) сравнения (*Я был подобен советскому рублю. Все его любят, и падать некуда* [Там же, с. 236]); д) использованием прецедентных имен политических деятелей (*Говорят, за исполнение роли Ленина платят больше, чем за Отелло?.. – Возможно. И убежден, это справедливо. Ведь актер берет на себя громадную ответственность* [Там же, с. 235]).

В «Компромиссах девятом и десятом» выявлены маркеры бытового дискурса: тематические (разговор на дружеских застольных посиделках) и вербальные (использование разговорной сниженной лексики): *Я имел больше женщин, чем ты съел котлет; Черт бы побрал твоего друга!* [Там же, с. 264]; *А бабы-то умнее, чем я думал. Поели, выпили и ретировались* [Там же, с. 265]).

Интересны с исследовательской точки зрения «Компромисс пятый и одиннадцатый», где авторское повествование переключается с публицистического на ритуальный дискурс в составе художественного. В. И. Карасик считает ритуальный дискурс «одним из типов дискурса, выделяемых на прагмалингвистическом основании» и к основным его признакам относит «вы-

сокую символическую нагруженность, содержательную рекурсивность и жесткую формальную фиксацию», уточняя, что «ритуал может включать элементы юмора» [10, с. 15]. Все эти признаки обнаруживаются в исследуемом произведении. С присущим С. Довлатову юмором описываются важнейшие этапы человеческой жизни: рождение и смерть. В «Компромиссе пятом» изображен ритуал рождения, предполагающий торжественную церемонию выписки из роддома четырехсоттысячного младенца, мальчика по имени Лембит (во-первых, «*мальчик как-то символичнее*», а во-вторых, с таким именем он просто «*обречен на счастье*», потому что «*Лембит – хорошо, мужественно, символично звучит, но по-эстонски*») [7, с. 206]). В «Компромиссе одиннадцатом» герои готовят траурную процессию погребения директора телестудии, присутствовать на которой журналисту Довлатову «*поручено быть желающим*» [Там же, с. 311], но перепутанный в морге с телом бухгалтера рыболовецкого совхоза «*покойный, разминувшись с именем, казался вещью*» [Там же, с. 315].

«Компромисс двенадцатый» содержит в себе элементы антифашистского военного дискурса: тематические (ежегодная встреча узников фашистских концлагерей, где корреспонденту Довлатову дано задание осветить данное мероприятие в прессе) и вербальные: текст транспаранта (*Слава бывшим узникам фашистских концентрационных лагерей!* [Там же, с. 319]); стилистические приемы языковой игры (*Как будто я не узник! <...> – Вытрезвитель не считается* [Там же, с. 318]); использование сниженной лексики и прецедентных имен (*Чухонцы все такие <...> Адольф их лучший друг* [Там же, с. 322]). Все перечисленные элементы антифашистского дискурса реализуют эффект иронии, комизма, сарказма.

Таким образом, в повести С. Довлатова «Компромисс», помимо маркеров художественного и публицистического дискурсов, нами были обнаружены маркеры советского идеолого-политического, бытового, ритуального, антифашистского дискурсов. Автор легко переключает повествование то на один, то на другой тип дискурса, что, с одной стороны, активизирует когнитивные процессы в воспринимающем сознании реципиента, с другой – вербальные и невербальные маркеры того или иного типа дискурса прочитываются адресатом как «подсказки», помогающие точнее дешифровать диалог дискурсов внутри художественного текстового поля.

Проведенный анализ повести С. Довлатова «Компромисс» с позиций лингвистики дискурса дает возможность утверждать, что дискурсная

гетерогенность произведения, то есть свободное переключение использования вербальных и невербальных маркеров различных типов дискурсов, не только композиционно организует текст, но и является текстообразующей стилиевой доминантой, эксплицирующей оригинальность индивидуально-авторского стиля С. Довлатова.

Дальнейшее изучение творчества С. Довлатова с позиций лингвистики дискурса может сформировать широкое перспективное поле для исследований и привести к новому пониманию творческой личности писателя и его авторского метода.

#### Список источников

1. Богданова О. В., Власова Е. А. Интердискурсивность в повести С. Довлатова «Компромисс» // Российский гуманитарный журнал. 2020. Том 9. №6. С. 417–422.
2. Карташова Е. П., Бобыкина Е. Н. Образ автора как текстообразующая категория повести С. Довлатова «Зона» // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 3. С. 364–369.
3. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 472 с.
4. Белоглазова Е. В. Полидискурсивность как адресато-обусловленная характеристика текста // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 187–194. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polidiskursnost-kak-adresato-obuslovlennaya-harakteristika-teksta> (дата обращения: 15.06.2022).
5. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2009. 248 с.
6. Белоглазова Е. В. Интердискурс и полидискурс: соотношение понятий. // Стил: международный научный журнал. Белград, 2008. Т. 7. С. 121–129. URL: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2008/10Beloglazova.pdf> (дата обращения: 15.06.2022).
7. Довлатов С. Собрание сочинений: в 3 т. / Сост. А. Арьев. СПб.: Лимбус Пресс, 1995. Т. 1. 416 с.
8. Кузьмина Н. А. Эпиграф в коммуникативном пространстве художественного текста // Вестник Омского университета. 1997. № 2. С. 60–63. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24644319> (дата обращения: 14.06.2022).
9. Храмченков А. Г. Эпиграф как особый вид цитации. Взаимодействие структурного и функционально-стилистического аспектов языка: сб. науч. статей. Минск: Языкознание, 1983. С. 203–214.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 2002. 477 с.

#### References

1. Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2020). *Interdiskursivnost' v povesti S. Dovlatova "Kompromiss"* [Interdiscursivity in S. Dovlatov's Novella "A Compromise"]. *Rossiyskii gumanitarnyi zhurnal*. Volume 9. No. 6, pp. 417-422. (In Russian)
2. Kartashova, E. P., Bobykina, E. N. (2021). *Obraz avtora kak tekstoobrazuyschaya kategoria povesti S. Dovlatova "Zona"* [The Image of the Author as a Text-Forming Category of S. Dovlatov's Novel "The Zone"]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 15. No. 3, pp. 364-369. (In Russian)
3. Shchirova, I. A., Goncharova, E. A. (2007). *Mnogomernost' teksta: ponimanie i interpretatsiya* [The Multidimensionality of the Text: The Understanding and Interpretation]. 472 p. St. Petersburg, ООО "Knizhnyy Dom". (In Russian)
4. Beloglazova, E. V. (2009). *Polidiskursivnost' kak adresato-obuslovlennaya kharakteristika teksta* [Polydiscursiveness as an Addressee Conditioned Characteristic of the Text]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 187-194. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polidiskursnost-kak-adresato-obuslovlennaya-harakteristika-teksta> (accessed 15.06.2022). (In Russian)
5. Chernyavskaya, V. E. (2009). *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstualnost', interdiskursivnost'* [Linguistics of the Text: Polycode Features, Intertextuality, Interdiscursivity]. 248 p. Moscow, Knizhnyy dom "LIBROKOM". (In Russian)
6. Beloglazova, E. V. (2008). *Interdiskurs i polidiskurs: sootnoshenie ponyatii* [Interdiscourse and Polydiscourse: The Correlation of Concepts]. *Stil: mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal*. Vol. 7, pp. 121–129. Belgrad, URL: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2008/10Beloglazova.pdf> (accessed 15.06.2022). (In Russian)
7. Dovlatov, S. (2005). *Sobranie sochineniy v 4 t.* [Collected Works: In 4 Volumes]. Comp. A. Aryev. Vol. 2, 464 p. St. Petersburg. ABC-classics. (In Russian)
8. Kuzmina, N. A. (1997). *Epigraf v kommunikativnom prostranstve khudozhestvennogo teksta* [Epigraph in the Communicative Space of a Literary Text]. *Vestnik Omskogo universiteta*. No. 2, pp. 60–63. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24644319> (accessed 14.06.2022). (In Russian)
9. Khramchenkov, A. G. (1983). *Epigraf kak osobyi vid tsitatsii. Vzaimodeistvie strukturnogo i funktsional'nostilisticheskogo aspektov yazyka*: [Epigraph as a Special Type of Citation. Interaction of Structural and Functional-Stylistic Aspects of Language]. Sb. nauch. statei. Pp. 203–214. Minsk. (In Russian)
10. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, discours* [A Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. 477 p. Volgograd. (In Russian)

The article was submitted on 24.09.2022

Поступила в редакцию 24.09.2022

**Бобыкина Екатерина Николаевна,**  
старший преподаватель,  
ФГБОУ ВО «Марийский государственный  
университет»,  
424001, Россия, Йошкар-Ола,  
Пушкина, 30.  
katbobykina777@gmail.com

**Bobykina Ekaterina Nikolaevna,**  
Assistant Professor,  
Mari State University,  
  
30 Pushkin Str.,  
Yoshkar-Ola, 424001, Russian Federation.  
katbobykina777@gmail.com